

Академия российского искусства учредила фонд для разработки программ, которые будут содействовать развитию искусства в России и поддержке людей, отдающих свою жизнь искусству и культуре. Президент академии, инициатор создания фонда пианист Николай Петров сказал: «Наша бывшая министр культуры Наталья Дементьева не только ничего не сделала, чтобы спасти русское искусство от разрушения, а просто пыталась выбросить несколько тысяч музыкантов и актеров на панель, то есть лишить их бюджетных средств».

Николай Петров был одним из тех, кого приглашали занять пост министра культуры в правительстве Е.Примакова, но он от этого предложения отказался.

— Почему именно сейчас вы решили учредить фонд?

— Наступил момент, когда все деятели искусства, у которых есть имя, должны употребить свой авторитет на поиски выхода из тупика, в котором мы оказались. Я дождался до того момента, когда вступила в силу вторая часть известного правила: «Первую половину жизни человек работает на свое имя, вторую половину — имя на него». Мое имя может сработать в качестве гаранта, что деньги фонда не будут ни растрочены, ни пущены на ветер.

— Существуют фонды, которые помогают людям искусства. Много сделал фонд Владимира Спивакова: предоставление инструментов, оплата лечения; Мстислав Ростропович начал предоставлять стипендии через фонд «Слава/Глория». Чем будет отличаться ваш фонд?

— И Спиваков и Ростропович сделали много добра. Есть и другие фонды, которые учреждали премии. Но я не могу согласиться с тем, что львиная доля средств уходила на премии уже преуспевающим, богатым, признанным. Мне говорят: «Надо помогать — им трудно». Но Березовскому и Дубинину сейчас тоже трудно. Давайте учредим фонд помощи нашим финансовым магнатам. Нравственно это, своевременно ли? В нашем фонде не будет никаких многотысячных банкетов и презентаций, никаких многодесятилетних вояжей за границу, никаких премий богатым исполнителям. Ростропович отказался от гастролей Лондонского симфонического оркестра для празднования его семидесятилетия в прошлом году, когда узнал, что надо будет выделить из бюджета 1300 тыс. долларов. Наверное, он был не в курсе дела, что в этом году на проведение четырех концертов с Новым филармоническим оркестром Японии в акции «От сердца к сердцу» было потрачено 262 тыс. долларов из бюджета нашей нищей культуры (я сам своими глазами видел чек). Акция была скорей не творческая, а чисто политическая. А эти сумасшедшие деньги — годовой бюджет нескольких симфонических оркестров вместе взятых. Даже если эти деньги дали бы Гусинский или Березовский, я бы тоже спросил: «А у тебя не дрогнула рука, когда музыканты получают 12 долларов в месяц и студенты ходят голод-

ПОМОЧЬ ЛЮДЯМ ИСКУССТВА

Беседа с президентом Академии российского искусства Николаем Петровым

ные? А тут — из бюджета вынимается такая сумма! Лауреатом премии «Глория» стал Максим Венгеров, который на предложение сыграть в Москве отвечает, что его гонорар — минимум 30 тыс. долларов за концерт. Вот он и получил от фонда премию в 50 тыс. долларов за одно выступление в Большом зале. В год он зарабатывает 2 млн. долларов, но и эти деньги ему не помешали... Примеров много. В фонде спорта просто сидят воры. Сколько благотворительных фондов, которые учреждены для перекачки средств в карманы бессовестных людей.

— Вы играете бесплатно?

— Я могу подарить концерт, добровольно, но свой труд я ценю. Я должен зарабатывать на жизнь, но у музыканта, как и у каждого нормального человека, должна быть совесть.

— Как и кому вы будете помогать?

— Прямо из рук в руки. Не будем перечислять на счета посредников, откуда все это разворовывается. Сегодня мы раздаем артистам деньги, которые сами заработали в Москве концертами. Кому? Да хоть оркестру Павла Когана. Чтобы инструменты поменяли: духовные почти выходят из строя. Фраки надо обновить, чтобы от них не пахло потом трехлетней давности. Необходимо выезжать на гастроли. Конечно, будет помощь молодым музыкантам — поехать на конкурс, купить инструмент. Старому актеру — сделать необходимую операцию, может быть, и похоронить... Мало ли какие могут быть у людей простые нужды. Не надо изобретать велосипед.

— Вы рассчитываете на моральную поддержку прессы в определении приоритетов?

— Прежде всего на газету «Культура» во гла-

ве с Юрием Белявским. Но это не только моральная поддержка. Он организовал прекрасный конкурс «Окно в Россию» по номинациям: музей, библиотека, театр, оркестр и филармония. Выбирало независимое, неангажированное жюри. Мы вместе ездили по России, находя удивительных людей, бескорыстно служащих культуре. Для нас примером был американский «Оскар», который не дает денег, но все стремится его получить. Это вопрос престижа.

— Сегодня в зале присутствовали Дмитрий Сергеевич Лихачев, Игорь Александрович Моисеев, Петр Ефимович Тодоровский, Элина Быстрицкая. Они входят в оргкомитет?

— Да, они проявили невиданный энтузиазм. Мы ездили с Вацлавом Михальским, владельцем издательства «Согласие», в Петербург к Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Он не только поддержал нас, но и приехал сегодня в Большой зал консерватории на открытие и концерт.

— Будете ли вы помогать неизвестным исполнителям?

— Конечно, но определять, кому необходима поддержка, мы будем исходя из нужд России, а не вкусовщины или личной заинтересованности.

— В этот кризисный период крупные деятели культуры, входящие в фонд, тоже нуждаются в помощи?

— Я чуть со стыда не сгорел, когда узнал, что Дмитрий Сергеевич Лихачев каждый год пишет письмо какому-то чиновнику с просьбой, чтобы ему отпустили уголь для отопления не по коммерческой цене, а по государственной. Я снова повторю, что не согласен с распределением денежных премий в России: дайте лучше Лихачеву, чем Венгерову... Даже Альфреду Шнитке присудили огромную премию, когда он уже не мог ею воспользоваться.

— Вы были одним из немногих исполнителей высокого ранга, оставшихся жить в России в самые трудные времена. Вы не жалуете, что не уехали, и не думаете об отъезде сейчас?

Николай Петров. Фото В.Ганчикова.

— Я боролся за то, чтобы жить в своей стране так, как живет нормальный, среднестатистический, нормально зарабатывающий индивидуум. Впервые я чувствую, что, может быть, буду вынужден уехать. Многим поперек глотки то, что у меня нормальный, цивилизованный быт: два рояля, две машины, квартира (бывшая квартира Андропова), совсем неплохая дача, которую я выстроил сам, собственными руками, когда в свободной продаже еще не было ни досок, ни кирпича. Кстати, строительство удержало меня от эмиграции.

— Может быть, в Америке у вас было бы два дома и четыре рояля? Вы боитесь ностальгии?

— Мне не нужно два дома. У меня есть мама Ирина Васильевна, жена Лариса, дочь Женя, четыре кота и собака. Небольшое количество близких друзей. И я не могу жить в другой стране. Почему легко переезжать тем людям, которые купили дом по каталогу? Они не вложили в него самих себя. Я вложил — и мне трудно от этого оторваться. Я умею держать в руках молоток, работать со сварочным аппаратом. Я люблю работать руками, но в советских условиях

все это было вымучено, все строилось обманом вопреки коммунистам. Двадцать три года строить и бросить?! Здесь мои мозги, сердце.

Кроме того, я боюсь не ностальгии, а потери чисто русского общения. Когда в Америке меня приглашают с 7 до 7 часов 40 минут, я не понимаю, что будет, если мне там понравится и я захочу задержаться еще на полчаса. Меня сочтут сумасшедшим? Почему существует «русская ностальгия»? Тосковали все — Рахманинов, Бунин, Цветаева. Не могли прижиться, теряли в творчестве. Потому что у русских нет жизни «по кусочкам». Нет общения «от сих до сих».

— Вы — выдающийся исполнитель классического, романтического и современного репертуара. Вы продолжаете играть современную музыку?

— Музыку ультрасовременную я не люблю. Посторонние движения, удары, шум, трюки убивают музыку. Зато я люблю играть произведения, которые никогда не исполнялись. Их много. Даже самых гениальных композиторов: Сен-Санса, Бетховена, Листа (особенно транскрипции). Люблю играть и слушать джаз.

— Вашим ученикам вы советуете уехать или остаться?

— Кризис искусства — мировая проблема. Недавно я встретил своих выпускников в Финляндии. Они живут в общепитии и никому не нужны.

— Почему вы не вошли в жюри конкурса Чайковского?

— Я назвал свою статью о конкурсе «Галатея — желтой сборки». Меня даже не пригласили в жюри. Я сразу нарушил бы там расклад. Там работала та самая мафия Московской консерватории, которая когда-то была всеильна здесь, а теперь расплодилась по всему миру, продолжая свои гонения на талантливых, неординарных исполнителей. Они уже так подравняли индивидуальности, что теперешнее поколение не имеет лидеров вроде Третьякова, Кагана, Гутмана, Вирсаладзе или Кремера. Трудно стало и премии присуждать. Правда, можно давать по росту, по алфавиту. Разницы нет. Все играют быстро, громко, наизусть. Великая русская школа умирает и не может не умереть.

— Нужно ли продолжать поддерживать конкурс Чайковского?

— Безнадежно. Он умер.

— Что вы думаете о политической ситуации в России?

— Я был доверенным лицом Ельцина. Я очень ему верил. Но теперь я понял, что нас никуда не веди и не ведут. Только в тупик. То, что происходит сейчас в России, чревато большой бедой. Я провожу раздел между большевиками и коммунистами. Большевики были — бандиты. Среди коммунистов есть блестяще образованные люди, которых я уважаю. Но люди забыли полки в магазинах в 90-м году: талоны на водку, на папиросы. Люди помнят, что колбаса стоила два двадцать, а не то, что ее нигде не было, кроме Москвы. И это не Ельцин довел страну до такого состояния — это результат семидесятилетней политики коммунистов.

— Чего вы опасаетесь больше всего в кризисной ситуации?

— Неконтролируемой толпы. Страшней ничего быть не может, и в России это уже было. Любые изменения в любую сторону от демократии — это очень опасно не только для России, но и для всего мира.

ВИКТОРИЯ ГАНЧИКОВА

Москва

Петров Николай